

Переводчик: Антония

Было раннее лето. Цветущие персики были в полном расцвете, но человека, который сопровождал ее, чтобы оценить пейзаж, не хватало.

В полночь луна была полной.

Луна сегодня казалась более прекрасной, чем когда-либо, загадочной, печальной и душераздирающей.

При лунном свете, она споткнулась в глубину горы вдоль реки. Хотя они были ранены и истощены, они не осмелились тратить впустую ни секунды времени или остаться разлученными, только следуя за Мо Цяньсюэ во время обыска вокруг.

Чем глубже они проникали, тем больше расцветали персики. Они танцевали в воздухе, падая, как душ мелкого дождя, падающего на лица и плечи людей, наполняя сердце ненавистью.

"Шаоцин", "Шаоцин". Где ты?"

Мо Цяньсюэ продолжала звонить, но как бы она ни звонила, его фигуры нигде не было. И теневого охранника они тоже не нашли.

После тщетной ночи поисков Мо Цяньсюэ сел на камень, повторяя в голове каждую частичку времени, проведенного вместе с Нин Шаоцином.

Нин Шаоцин был человеком, который готовился к любому возможному результату. За исключением того, что его обманывали стервозные мать и сын, он, как она заметила, никогда не получал преимуществ в других аспектах.

Думая о том, что Нин Шаоцин сказал утром: "Тупая девочка". Если я уйду, ты должна жить дальше. Ты должна жить лучше, для меня".

Мерцание надежды росло в ее сердце. Он заранее все прояснил?

Но почему он не сказал ей и не дал ей поволноваться?

На рассвете прорвались утренние лучи солнца.

Няня Мо осторожно сказала: "Госпожа, на мой скромный взгляд, давайте сначала уедем в столицу. Господь - добрый человек, благословенный небесами. Наверное, он прибывает в столицу раньше нас".

Мо Цяньсю ничего не сказал.

Аву убедил: "Верно, леди. Ранее мы решили, что после этой реки мы пойдем разными путями". Они с Асаном совсем не верили, что их господин может быть смыт рекой.

"Это госпожа Мо". Асан отругал Аву. Они были официально переданы Мо Цяньсюэ Нин Шаоцином. Когда Мо Цяньсюэ вернулась в особняк Основателя, конечно, они должны были назвать ее госпожой Мо.

Видя, что эти двое мужчин спокойно уговорили её, Мо Цяньсю была уверена в её догадках.

Если что-то действительно случилось с Нин Шаоцином, эти двое верных мужчин должны быть невыносимо обеспокоены.

Была ли... причина, по которой ей нельзя было сказать об этом?

Она успокоилась, стерла слезы. Что бы это ни было, она простила его. Она только надеялась, что с ним все в порядке. Она предпочла бы, чтобы он врал ей не просто так, а столкнулся с несчастьем.

Серия нападений и инцидентов не расколол ее, а вместо этого заинтриговал неуступчивость коренится в ее костях и страсть, чтобы установить свой кругозор на весь мир. В начале, она, деревенская девушка, никого не зная и не имея денег вообще, полагался именно на этот вид страсти, чтобы начать с нуля и построить свою собственную компанию в течение нескольких лет, в состоянии позволить себе дом и машину собственной.

После этого дня, независимо от того, каким будет будущее, она не рассматривала жизнь, когда она только что пришла, как настоящую жизнь, и не считала себя конечной целью жизни.

Она хотела стать начальником.

В этом каннибалистическом мире только начальник мог обрести мир и счастье.

**

В процветающей столице процветающей страны были крошечные и чистые улицы, изысканно спроектированные здания и шумные рынки. Здесь были самые талантливые ученые, самые очаровательные танцовщицы, самые смелые генералы, самые благородные дамы, самые вкусные вина и еда.

Здесь можно было найти лучшее, что было в династии Тяньци. Там, казалось, хранилось все,

что люди когда-либо хотели.

Нин Шаоцин рассказал ей сцены столицы по дороге убивать время. Мо Цяньсюэ также много раз представлял себе, каково это может быть. Но когда она увидела это своими глазами, она все еще была поражена его величиим и величиим.

Когда они вышли с горы, скрытая охрана, которую устроил Нин Шаоцин, привела ее в карету, где были приготовлены одежда и предметы первой необходимости.

Скрытая стража не спросила, почему Нин Шаоцин не был среди них, а только доставила конный экипаж в Асан и Аву, сказав ей, что господин приказал им остаться с госпожой и что теперь они принадлежат госпоже.

Мо Цяньсюэ спросил их, где Нин Шаоцин, они только покачали головой и ответили, что карета была приготовлена много дней назад, после того, как им было отправлено письмо. Затем Мо Цяньсюэ спросил их имена, но они только сказали, что они скрытые охранники с номерами, а не именами, и дождались, когда Мо Цяньсюэ назовет их по имени.

Отношение этих двух людей сделало Мо Цяньсюэ более спокойной и уверенной в своих догадках.

Он... должен быть жив. Но почему он не пришел к ней и не сказал, что с ним все в порядке?

Они действительно занимались своими делами после возвращения в столицу? Единственное, что она могла сделать, это остаться в особняке Основателя и ждать его кресло-седан?

Она немного волновалась и в то же время не могла не жаловаться.

Однако, сейчас не время жаловаться. Она должна была пойти на все, чтобы справиться с тем, что должно было случиться позже. Назвав двух мужчин соответственно Мо Ян и Мо Син, Мо Цяньсюэ и няня отправились убираться в карете и приказали немедленно уехать в столицу. Собрав воедино свои мысли и отбиваясь от всевозможных возможностей, Мо Цяньсюэ приподняла угол занавеса, чтобы взглянуть наружу.

По ее подсчетам, дорога, по которой они ехали, составляла около пятнадцати футов в ширину, что позволяло одновременно проехать восемнадцать машин. Дорога была разделена на три части канавами, так что средняя часть имела ширину около семи футов и могла поместиться на четырех машинах, в то время как две другие имели ширину четыре фута и могли поместиться на двух машинах.

Средняя была официальной дорогой, которая была доступна только королевской семье, дворянским семьям и дворянам более высокого уровня. Остальные две по бокам были предназначены для простых чиновников и людей.

Конечно же, ее карета проходила по средней официальной дороге. Она, законная дочь основателя, была дворянской дамой и, конечно же, имела право на официальную дорогу.

Она не только имела право, но и позволила Мо Янь и Мо Син расчистить дорогу перед каретой: "Дочь Основателя вернулась".

Она должна вернуться с фанфарой, потому что до тех пор, пока она достигнет столицы, эти люди будут опасаться дальнейших грязных схем.

Ее глаза были изысканными зданиями в ряд высоких или низких, крыши которых соединялись, казалось, до самого края неба. По обе стороны дороги сажали различные плотные листовые деревья, такие как китайские ученые деревья, сосны, кипарисы, вязы и так далее. Процветающие пышные деревья привнесли в эту столицу оттенок мягкости.

Когда люди услышали объявление Мо Янь и Мо Син, они начали горячие дискуссии.

"Разве дочь Основателя не погибла в несчастном случае и не похоронена вместе со своим отцом?"

"Нет, сердце мое, она пропала; даже Император послал людей искать ее."

"Будет хорошая драма". Семья Мо не позволит этому легко закончиться".

"Хаха, это не будет известно нам, ребята". Возвращайся домой. Боюсь, что погода в столице снова изменится".

Вскоре после того, как вагон бродил по улице, он остановился перед особняком. Выражение няни Мо сразу же изменилось, чтобы стать достойной и торжественной, а мягкий свет, струящийся в ее глазах, полностью исчез.

Чуйи и Шиву спрыгнули со своих лошадей, подняв занавеску двери, и держали Мо Цяньсюэ, чтобы слезть.

Казалось, что нет никакой разницы между этим особняком и обычным человеком. Дверная табличка была вырезана с надписью "Особняк-основатель".

Через этих строгих и низкопрофильных персонажей Мо Цяньсюэ, казалось, видел жесткий скульптурный профиль лица Мо Тяньфаня.

Это был прямолинейный, верный и любящий человек, который относился к любимому человеку с полной любовью и обращался с холодным лицом к врагам.

Няня Мо похлопала стукача, а затем быстро отступила на левый фронт Мо Цяньсюэ и встала слегка поклонившись. Чийи и Шиву торжественно встали позади нее.

Дверь тихо открылась, и старик с длинной козлиной бородкой взглянул на Мо Цяньсюэ.

**

В особняке Мо. Мастер Мо пил чай с угрюмым лицом в кабинете. Двое стариков ворвались.

Двое стариков поспешно сказали перед подачей чая: "Хозяин, эта девушка действительно вернулась с фанфарой".

Мастер Мо поднял брови: "С фанфарой"? Глупой девушкой, которая понятия не имела о мире". Видя мастера Мо, не волновался, другой старик поспешил повторить: "Не все ли устроено? Почему она все еще вернулась?"

Мастер Мо, казалось, знал, что Мо Цяньсюэ вернется, сделав глоток чая: "Есть одна причина, по которой она может вернуться целой и невредимой, то есть люди, которых мы расставили по местам, были расчищены по дороге. Полагаю, на этот раз семья Фэн дорого заплатила".

Тревожные старики были не кем иным, как двумя старейшинами семьи Мо, первым старшим Мо и вторым старшим Мо. Среди трех господ, ныне живущих в особняке-основателе, были сын господина Мо и внуки этих двух старейшин.

Теперь возвращение Мо Цяньсюэ означало, что титул герцога не будет иметь к ним никакого отношения. Как они могли не беспокоиться?

Первый старейшина спросил: "Может ли это быть подделкой?"

Мастер Мун на минуту задумался и сказал: "Вряд ли". Семья Фэнов не стала бы лгать о таком огромном деле".

Второй старейшина спросил: "Тогда... что же делать?"

"Без паники!" Мастер Мо бросил чашку на взятие, надев злобное и хитрое лицо, фыркнув: "Давайте посмотрим, выживет ли она сегодня..."

Улыбка была мрачной и ужасной.

**

Старик с длинной козлиной бородкой посмотрел на Мо Цяньсюэ, так взволнованно, что поспешно встал на колени и на колени сказал: "Госпожа"!

На обратном пути она узнала от няни, что дворецкий - старик с длинной козлиной бородкой. Прослужив Основателю много лет, он был более или менее уважаем другими.

Несмотря на то, что три лорда забрали у дворецкого управляющую власть, как только они переехали в особняк, на самом деле большая часть власти осталась в руках дворецкого.

Неожиданно, только через десяток дней после того, как няня ушла, его отвезли сюда, чтобы охранять ворота? Потому что он был бесполезен или это была маскировка?

Мо Цяньсю был сбит с толку, но выглядел строгим, слегка размахивая рукой: "Пожалуйста, встаньте, дворецкий".

Портной делает человека!

Теперь она носила булочку с тремя кольцами и шпильку из белой нефритовой сливы. Черные волосы стекали по ее плечам. Клэри была в белой плиссированной юбке, вышитой голубыми сливами, с двумя зелеными нефритовыми браслетами на запястьях, излучающими воздух благородства, потому что каждый кусочек на ней был одновременно сдержанным и дорогим.

Сегодня утром Мо Цяньсюэ надела одежду, которую Нин Шаоцин приготовил для нее. Они были одновременно сдержанными и роскошными.

Даже шпильку из белой нефритовой сливы нельзя было недооценить. Она была сделана целым куском нефрита, излучающим мягкий свет. Еще реже, когда на нее смотрели на солнечный свет, можно было заметить красноватые, но естественные точки, как будто на ней действительно были цветущие сливы.

Мо Цяньсю много видела, но никогда не видела такого качественного нефрита, с естественным сливовым цветом и формой. Когда няня Мо держала его в руке, она продолжала восхвалять нефрит и утверждала, что это, должно быть, кусок бесценного сокровища.

В глазах дворецкого мелькало благоговение. Он быстро встал прямо и открыл ворота, крича внутри: "Дама на месте". Все выходят поприветствовать даму!"

Что бы ни делали или думали люди в особняке, когда единственный владелец особняка возвращается, они должны выйти, чтобы поприветствовать ее.

Мо Цяньсюй приподняла руку к животу, слегка приподняв голову, надев холодное и гордое лицо, стоящее у ворот. Она ждала, пока все покорно встанут по сторонам ворот, чтобы поприветствовать Клэри.

Если она хотела громко объявить войну Моисею, то не должна молча возвращаться в свой особняк или упустить эту возможность.

Возможность построить свою власть!

Она ничего не знала о особняке. Хотя няня была верна, она не могла полностью поверить своим собственным суждениям.

Персонаж человека написан на его лице, так что это была прекрасная возможность отгородиться от всех в этом особняке.

Через некоторое время, с двух сторон вдоль ворот стояли два ряда людей. Во главе с дворецким они в унисон закричали: "Мы с уважением приветствуем даму, возвращающуюся...".

Только тогда Мо Цяньсюэ сделал шаг вперед, чтобы войти в особняк от главных ворот, казалось бы, глядя вперед, но на самом деле просветив все свои взгляды. Стоявшие здесь люди, слуги, мужчины и женщины, были в общей сложности почти шестьдесят, а также двадцатью стражами.

Некоторые из них смотрели в ожидании драмы, другие выглядели равнодушными, третьи - пренебрежительными. Лишь менее трети из них были поистине уважительными.

В противоположность этому, отношение стражи заставило Мо Цяньсюэ быть более уверенным в себе. Они стояли на одном колене, лицо холодное, но уважительное, крича в унисон дрожащие слова приветствия.

Наблюдая за ликами этих людей, она взглянула на Шиву, мельком взглянув на служанку, которая надела презрительное лицо, но в то же время жадно уставилась на роскошную одежду Мо Цяньсюэ.

Больше всего Шиву ненавидела, когда другие проявляли неуважение к Мо Цяньсюэ, поэтому она шагнула вперед и сразу же ударила девушку по лицу: "Сука, куда ты уставилась?".

"Почему ты ударил меня?" Девушка-служанка была внезапно отшлепана, подумала, что Шиву - всего лишь обычная служанка, и, конечно же, была недовольна, подняв руку, чтобы ударить в ответ.

Так непокорно! Судя по одежде девушки-слуги первого уровня, Мо Цяньсюэ заключил, что поскольку в особняке нет ни дамы, ни госпожи, то ее должен благоволить один из господ.

Девушка верила, что как только она залезет на кровать лорда, возможно, в будущем, она станет наполовину хозяином особняка Основателя...

Какая жалость, что она сделала неправильный план! Подъемную руку крепко схватил Шиву, который мгновенно ударил ее снова. Девушка прокляла: "Кто ты, сука? Как ты смеешь!"

Шиву собиралась читать ей лекцию, когда Мо Цяньсюэ подняла руку и остановила Шиву, холодно улыбаясь: "Что ты будешь с ней делать, даже если она ударит тебя? Ты всего лишь служанка в моем особняке, но вела себя так неуважительно... Какого наказания ты хочешь?"

Слова были произнесены легким тоном, но чрезмерное давление сделало лицо девушки бледным.

"Я не это имел в виду..."

Мо Цяньсюэ не разрешил ей спорить и громко приказал: "Дворецкий, как нам наказать неуважительного слугу?".

Дворецкий сделал шаг вперед и ответил: "Легкое наказание - это пощечина; тяжелое наказание - это двадцать раз ударить огромными палками, а затем уехать".

Мо Цяньсюэ стал менее самодержавным и спокойно сказал: "Тогда давайте воспользуемся последним". Тогда заставь агента продать ее. Наш особняк не заслуживает такой высокомерной служанки".

Дворецкий кивнул и принял приказ, попросив двух мужчин убрать девушку. Эти двое мужчин были среди тех, кто приветствовал Мо Цяньсюэ с должным уважением. Казалось, что у дворецкого все еще были свои люди в особняке.

Этот акт был попыткой проверить отношение этих людей к ней, а также проверить, способен ли дворецкий управлять внутренними делами этого особняка.

После этого остальные бессознательно кланялись ниже и выглядели более уважительно.

Как говорится, в хаотичной ситуации необходимо применять жесткие методы! Мо Цяньсюэ чихнул. Казалось, что этот метод действительно сработал.

Видя, что Мо Цяньсюэ имел это в виду, девушка боролась и высокомерно кричала: "Ты не можешь продать меня; я принадлежу лорду Хуа...".

Няня Мо сразу же ударила ее: "Как ты смеешь! Позвони ее леди!" Слуга поместья Основателя должен угрожать даме и утверждать, что принадлежит так называемому лорду Хуа...

Выражение дворецкого тоже изменилось и ругало: "Заткни ей рот и заведи ее". Послушайте, господин Хуа - гость, а госпожа - настоящий хозяин особняка. Любой, кто осмелится обидеть

даму или совершить ошибку в служении ей, эта девушка - ваш пример".

Дворецкий был действительно великолепен, чтобы понять ее так быстро. Здорово! Мо Цяньсю похвалила себя, но не показала это на своем лице. Она помахала рукавом и пошла вперед, а дворецкий поспешил наверстать упущенное, рассказав другим, как обращаться с девушкой.

Во время прогулки Мо Цяньсюэ сказал дворецкому: "Дворецкий, позовите всех, кто находится в особняке, чтобы они собрались во дворе моего дома в течение часа".

Мы должны упорядочить внутренние дела, которые произошли в прошлом году".

"Да, леди". Дворецкий ответил и повел за собой.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/938354>